

## **Модернизация животноводства в постсталинский период: противоречия и дилеммы аграрной политики Н.С. Хрущева<sup>1</sup>**

**В.О. Афанасенков**

*Владислав Олегович Афанасенков, специалист Чаяновского исследовательского центра Московской высшей школы социальных и экономических наук; младший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории экономической и социальной истории Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: erpaison@gmail.com*

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-2-166-171

24 июня на базе Научного центра мирового уровня (НЦМУ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ состоялся уже второй в текущем году международный семинар, посвященный обсуждению проблемы человеческого капитала в мировом сельском развитии. Известный специалист по российской аграрной истории советского периода профессор Билефельдского университета Штефан Мерль представил доклад «Дилемма модернизации советского животноводства: политические подходы и социальный капитал после смерти Сталина», в котором поделился последними результатами своих многолетних изысканий по истории советской сельскохозяйственной политики. Ввиду крайне непростой эпидемиологической обстановки семинар вновь проводился в формате онлайн-конференции. Однако это лишь способствовало привлечению более широкого круга иностранных участников.

Итак, тезисно обозначим важнейшие идеи, прозвучавшие в докладе профессора Мерля.

Официальной целью развития животноводства (как и сельского хозяйства в целом), обозначенной еще на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС 1953 года, являлось значительное увеличение производства за счет повышения производительности труда и комплексной механизации.

Перед советским животноводством стояло несколько насущных проблем. Во-первых, производство продуктов животноводства

---

1. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования РФ (№ 075-15-2020-908).

по-прежнему во многом определялось несоциалистической формой хозяйствования — личными подсобными хозяйствами, на долю которого приходилось, в частности, до половины всего производства молока в СССР. Кормовые средства также заготавливались преимущественно в индивидуальном порядке. Наконец, что особенно важно, практически не существовало отечественного сельскохозяйственного машиностроения, равно как и производства оборудования для животноводства (прежде всего, конечно, доильного).

Но для увеличения производственных мощностей советское животноводство нуждалось не только и не столько в прямых государственных вливаниях, сколько в модернизации уже существующей инфраструктуры и создании новой производственной базы, способной обеспечить отрасль необходимыми ресурсами — высококачественными семенами кормовых культур, племенным скотом, кормоуборочными комбайнами, транспортом для перевозки кормов, средствами электризации и механизации водоснабжения помещений, без осуществления которой, в свою очередь, были невозможны механизация доения, кормления и уборки навоза; покрытиями для силоса и коровников.

По мнению Мерля, после смерти Сталина животноводческий сектор имел две наиболее приемлемых и корреспондирующих с официально декларируемой целью возможности развития — альтернативу наименьших затрат и реалистичную альтернативу. Первая предполагала осуществление сверху разворота к исходному положению дел, т.е. к ставке на единоличное крестьянское хозяйство как на основного товаропроизводителя. Вторая альтернатива, активно дебатировавшаяся уже после отставки Хрущева, в связи с подготовкой экономической реформы 1965 года, включала отказ от тотального государственного контроля над сельским хозяйством, предоставление директорам совхозов и председателям колхозов свободы принятия всего спектра управленческих решений по вопросам производства сельскохозяйственной продукции, установление принципов материальной заинтересованности и ответственности за конечный результат при постоянном консультативном сопровождении специалистов (эксперимент И.Н. Худенко в казахстанском совхозе «Акчи», деятельность «шабашников»). Характеризуя второй вариант, докладчик обратил внимание слушателей на чаяновскую утопию «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии». В ней Чайанов обрисовал чрезвычайно близкую модель сельского развития в рамках русской народно-хозяйственной системы.

Переходя к вопросу о сельскохозяйственной технике, докладчик отметил, что к середине 1950-х годов в среде специалистов утвердилось единодушие по вопросу о необходимости заимствования западного технологического опыта. Вместе с тем сравнительные испытания советской и импортной сельскохозяйственных техник проводились лишь в середине 1950-х годов (1954–1955). Последую-

щие раунды испытаний были подорваны запуском децентрализации системы управления народным хозяйством (экономическая реформа 1957 года).

Не спешил с санкционированием запуска серийного производства и Госплан. В результате бюрократических промедлений и задержек производство оборудования для животноводства так и не получило автономии, играя роль придатка в рамках базовых отраслей тяжелой промышленности (в частности, авиационной). Как следствие, чем дальше, тем больше производственная технология устаревала, отдаляясь от актуального западного уровня.

Между хозяйствами и предприятиями не действовал механизм обратной связи. Последние ко всему прочему не несли никакой реальной ответственности за неуккомплектованность и неисправное техническое состояние поставляемого оборудования. Докладчик, кроме того, настаивал на необходимости принимать в расчет также перманентную нехватку комплементарных продуктов — запчастей, топлива и шин.

В следующей части своего доклада профессор Мерль сосредоточился персонально на Хрущеве — его воззрениях и представлениях о состоянии колхозно-совхозной системы, наиболее целесообразных путях ее стимулирования и развития.

Хрущев был убежден в том, что повышение закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, решение о котором было принято на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС 1953 года, привело к обогащению колхозов. Убеждение это, естественно, в корне противоречило действительному положению дел. Расходилось оно и с позицией отдельных экспертов.

Специально докладчик остановился на ситуации в преобразованных в совхозы колхозах.

Несмотря на то что статус совхозов был несколько более привилегированным, ситуация и в них оставалась плачевной. Во-первых, поскольку закупочные цены были ниже себестоимости продукции, совхозы терпели убытки. Более того, как отметил Мерль, до 1968 года совхозы в сущности не получали какой-либо финансовой помощи для вложения инвестиций в повышение производительности труда. Во-вторых, для сокращения издержек в животноводстве (как крайне трудоинтенсивной отрасли) требовалось внедрение современных и высокоэффективных машин и оборудования. И лишь отчасти эта продукция вовсе не выпускалась в Советском Союзе — большая часть все же производилась, но уступала мировым стандартам качества и уровню развития.

Тем не менее еще более плачевным было положение колхозов. Докладчик обозначил несколько политических мер, повлиявших на это.

Большинство из них, конечно, упирается в ценовую политику. Уровень государственных закупочных цен на растениеводческую продукцию обеспечивал колхозам прибыль в среднем около

59%. Что касается продуктов животноводства, то закупочные цены покрывали лишь 80% затрат на их производство. Следовательно, для колхозов нарастить производство означало потерпеть большие убытки. Основываясь на сведениях о государственных стандартах покрытия инвестиций, докладчик сделал вывод о том, что доходы от животноводства не могли полностью перекрыть даже издержек переменного капитала. Ликвидация многообразия закупочных цен, последовавшая вслед за введением для колхозов и совхозов контрактации (1958 г.), премий за сдачу молока и повышение цен на промышленную продукцию для сельского хозяйства (запчасти) усугубили материальное положение колхозов. Принудительная передача колхозам морально устаревшего и изношенного машинно-тракторного парка МТС обусловила рост задолженностей колхозов как перед государством, так и перед своими членами.

Бюджетный дефицит колхозов в 1958–1960 годах достиг колоссального показателя в 24,3 млрд руб. (повышение цен на запчасти, снижение закупочных цен, повышение налога с прибыли).

В конце декабря 1960 года Министерство сельского хозяйства попыталось забыть тревогу, указав Хрущеву на необходимость принятия неотложных мер по стимулированию сельскохозяйственного производства — в первую очередь через повышение закупочных цен и увеличение государственных капиталовложений. Хрущев в ответ на это инициировал кадровые и структурные перестановки в министерстве — министр В.В. Мацкевич, переброшенный на должность председателя Целинного крайисполкома, таким образом фактически был отправлен в отставку, круг компетенций Министерства существенно сокращался.

Хрущев пошел по другому пути. 22 мая 1957 года в Ленинграде первый секретарь ЦК КПСС выступил на Совещании работников сельского хозяйства областей и автономных республик Северо-Запада РСФСР, заявив о необходимости в ближайшие годы догнать и перегнать США по производству мяса, молока и масла на душу населения. Выполнение спущенного сверху количественного плана любой ценой (в том числе и в ущерб качеству) — вот его основной руководящий принцип в хозяйственной практике.

Действуя в логике «низкозатратного подхода к сельскохозяйственному сектору» (по выражению Джорджа Бреслауэра), Хрущев делал ставку на оказание давления на региональных руководителей (особенно начиная с конца 1958 года). Нажим породил, пожалуй, не уступавшую по масштабам грандиозности заявлениям Хрущева волну приписок в отчетные показатели по реализации государственных планов и прочих махинаций. Соревнуясь между собой, лидеры местных партийных организаций принимали на себя личные обязательства перед ЦК КПСС по увеличению государственных заготовок продуктов животноводства, в том числе заведомо невыполнимые. В этой связи докладчик упомянул печально известный случай первого секретаря Рязанского обкома КПСС

А.Н. Ларионова, в начале января 1959 года выступившего с обещанием в течение одного года утроить заготовки мяса в области (так называемое «Рязанское чудо»), положив тем самым начало мощной пропагандистской кампании в печати и производственному соревнованию областей. В награду за столь созвучное его собственным представлениям обязательство Хрущев распорядился представить Ларионова к высшим государственным наградам — сначала к ордену Ленина, а затем и к званию Героя Социалистического Труда. Однако после того, как в конце 1960 года явственно обнажились факты манипуляции со статистикой (катастрофические убыли численности поголовья, производства зерна), Ларионов покончил жизнь самоубийством.

Судя по всему, Хрущев слепо верил в то, что на практике принципиально возможно совместить повышенные обязательства местных партийных руководителей с получением от них же самих объективной и полной информации о состоянии вверенного им региона. Таким образом, то, что в действительности имело место, полностью укладывается и описывается теорией принципала-агента. Именно эта наивность и отличала Хрущева от Сталина.

Ликвидация МТС вызвала отток наиболее квалифицированных и расположенных к модернизационным трансформациям кадров (трактористы, комбайнеры, механики и т.д.), что в дальнейшем предопределило безнадежность любой попытки модернизации. Параллельно из сельской местности уходили и умелые управленцы, пресытившиеся постоянным государственным контролем и вмешательством в процесс принятия производственных решений.

В связи с проблемой «утечки мозгов» докладчик особо подчеркнул, что отток кадров из сельского хозяйства — это общемировое явление, но в условиях Советского Союза оно приобрело специфические, причудливо отзеркаленные черты. Обычно, как следует из логики экономического развития, сельское хозяйство покидает именно низкоквалифицированный персонал, постепенно вытесняемый машинным производством. В советской действительности, напротив, чаще всего существовала потребность в квалифицированных кадрах, в кадрах для заполнения пробелов механизации нехватки не ощущалось.

Инспирированный Хрущевым курс на «коммунистическое» сельское хозяйство (борьба с содержанием подсобного скота, принуждение к продаже его в совхозы по государственным ценам, давление на подсобные хозяйства) одновременно породил новую волну недовольства сельского населения, чаяний о замене колхозной системы частным крестьянским хозяйством, но и сильно сказался на уровне социального капитала. Если еще в 1958 году этот переход был вполне осуществим, то далее все перспективы окончательно теряются и растворяются.

В последовавшей за докладом дискуссии активное участие принял целый ряд российских и зарубежных исследователей, объеди-

ненных общим интересом к различным сторонам аграрной проблематики: Александр Куракин (РАНХиГС, НИУ ВШЭ), Александр Никулин (РАНХиГС), Любовь Овчинцева (РАНХиГС), Мартин Петрик (Гисенский университет имени Юстуса Либиха, Гисен), Джон Пилгрим (Королевский университет Пномпеня), Судхир Сутхар (Университет Джавахарлала Неру, Дели), Александр Форбругг (Бернский университет).

Так, Судхир Сутхар поставил важный вопрос о границах применимости концептуального аппарата современной социальной науки (в частности, понятия модернизации) к историческим реалиям Советского Союза середины XX в. Любовь Овчинцева задала уточняющий вопрос на предмет того, какой фактор — некавалифицированное управление и отсутствие учета стоимостных показателей — внес большую лепту в провал советского животноводства. Джон Пилгрим предпринял попытку анализа наследия хрущевской модернизации в опытах аграрных реформ периода перестройки сельского хозяйства СССР конца 1980-х годов. Постсоциалистическая проблематика модернизации аграрной сферы стран СНГ оказалась сферой комментариев Мартина Петрика. Как докладчик, так и остальные участники семинара отмечали значение учета фактора человеческого капитала в проведении советских реформ второй половины XX века.

### **Modernization of animal husbandry in the post-Stalin period: Contradictions and dilemmas of Khrushchev's agrarian policy**

*Vladislav O. Afanasenkov*, Junior Researcher, Research Laboratory of Economic and Social History, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: erpaison@gmail.com